
46
ЛЕТ
СОВЕТСКОЙ
АРМИИ
№ 2
ФЕВРАЛЬ
1964
МУРЗИЛКА
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

Юрий ЯКОВЛЕВ

ПАРАД

Закачался пол паркетный —
Это едет полк ракетный.

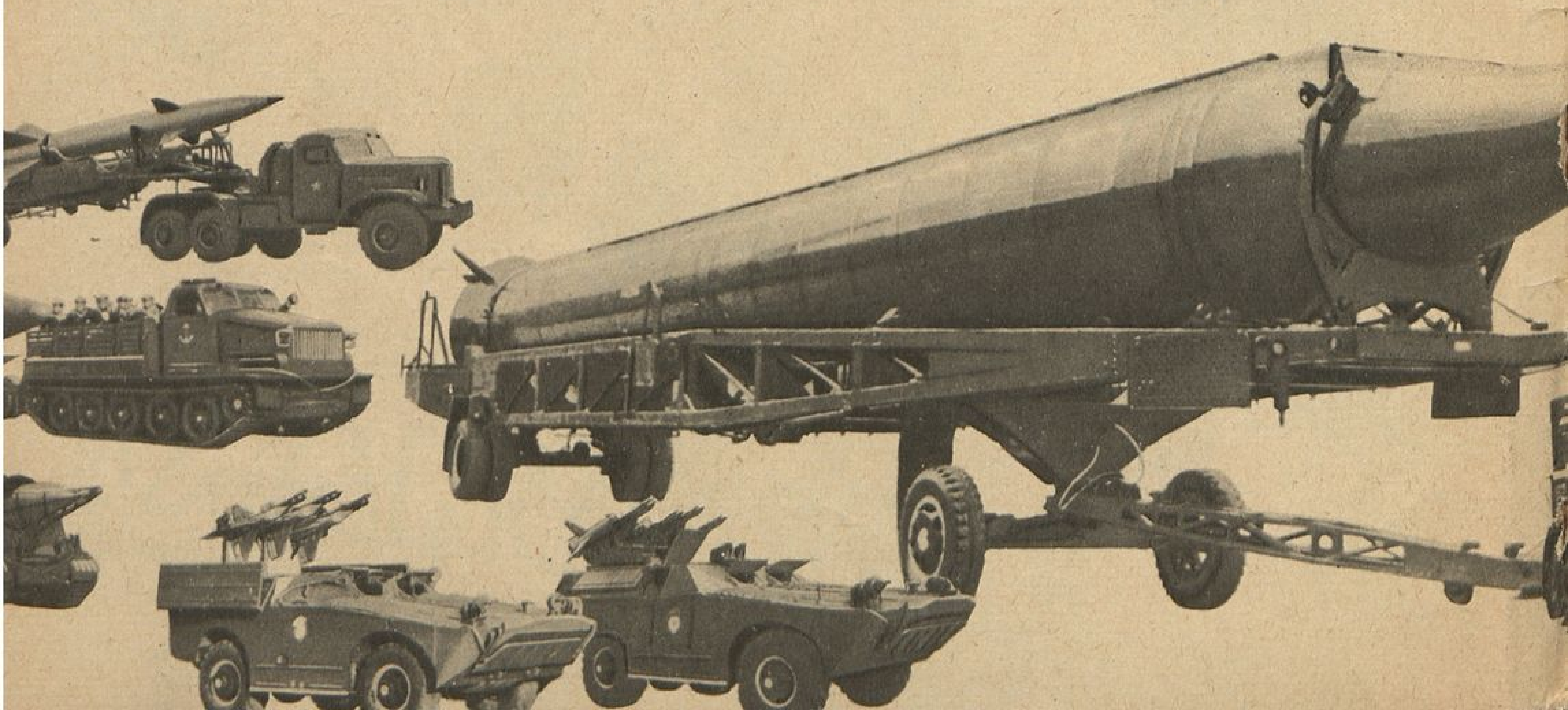
Зазвенели банки-склянки —
Мимо дома едут танки.

На ракеты смотрят дети:
Полететь бы на ракете.

— Дайте нам билетик красный,
Мы хотим слетать до Марса!

Командир полка ракет
Говорит:
— Билетов нет.

За врагами мы следим,
Мы следим, не дремлем.

И в обиду не дадим
Мы родную землю.

Но когда-нибудь, ребята,
Войн не будет, и тогда
Все заряды,
Все снаряды
Уничтожим навсегда!

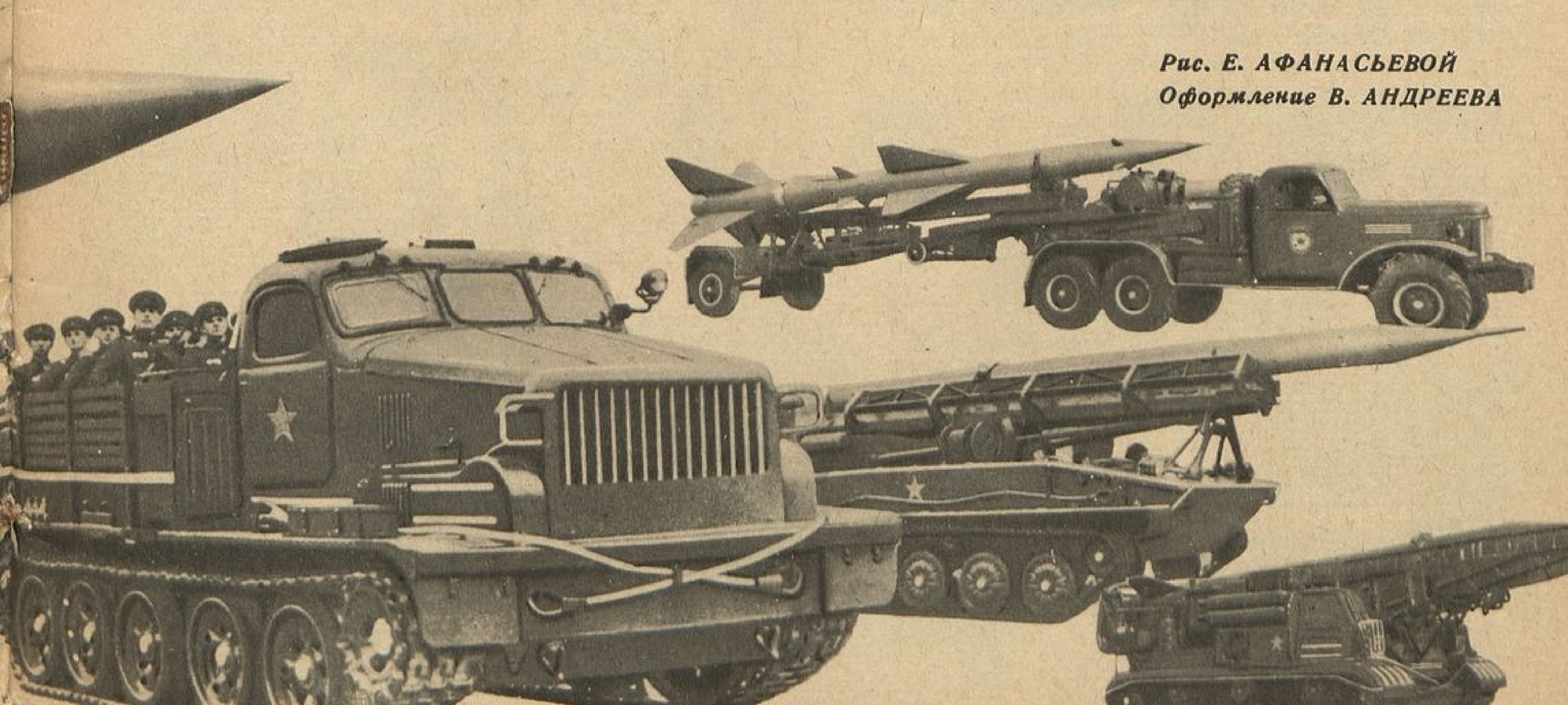
Пушек будет не слыхать,
Танки двинутся пахать,

А оружие пехоты
Пригодится для охоты.

И помчатся на ракете
На Юпитер наши дети.
И помчатся пионеры
На попутной до Венеры.

А пока грозят войной —
Все ракеты до одной
Охраняют край родной.

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ
Оформление В. АНДРЕЕВА

СЛАВА РУССКОГО ОРУЖИЯ

В. ГРАНДОВА

Рис. Э. БУЛАТОВА, О. ВАСИЛЬЕВА

I

Много раз враги пытались захватить нашу землю. Но русские воины всегда побеждали их: наши солдаты горячо любили Отчизну, с ними были замечательные полководцы.

На все века прославился полководец Александр Васильевич Суворов.

Его чудо-богатыри сражались с чужестранцами двести лет назад.

Однажды французская армия окружила в горах небольшой отряд Суворова. Враги заняли все выходы с гор. «Ну, — думали враги, — теперь-то русские бросят знамёна и сдадутся в плен». Но не тут-то было!

— Где меньше войска, там больше храбрых! — учил Суворов.

И наши солдаты победили, вырвались из окружения. Храбрость, упорство показала всему миру русская армия.

Наши солдаты и командиры помнят мудрые слова Суворова:

Тяжело в ученье — легко в походе!

Дисциплина — мать победы.

Сам погибай, а товарища выручай!

Там, где пройдёт олень, там пройдёт и рус-

ский солдат, там, где не пройдёт олень, всё равно пройдёт русский солдат!

Крепость сильна, гарнизон — целая армия, но ничто не устоит против русского оружия!

Во время Великой Отечественной войны советские воины били врага по-суворовски. А командиры учились у Суворова военному мастерству.

Лучших маршалов и генералов правительство награждало орденом Суворова.

II

«Слушай, Днепр! Идут к тебе советские воины!..»

Эти слова были написаны на листовках, которые сбрасывали советские лётчики над Украиной, захваченной фашистами.

Скоро наши воины уже шли по украинской земле. А вели их к победе бесстрашные полководцы, и среди них был генерал армии Николай Фёдорович Ватутин.

Генерала можно было видеть повсюду. Вот его машина мчится мимо колонны советских танков, которые с минуты на минуту вступят в сражение, вот она мелькает во ржи и появляется у самых передовых наблюдательных пунктов. Генерал всё должен видеть, всё должен знать! Он появлялся то там, то здесь, выслушивал донесения самых младших командиров, а порою и рядовых солдат. И часто отдавал распоряжения прямо на поле боя.

Когда наши войска подошли к Днепру и начали на резиновых и рыбачьих лодках, на плотах из бочек, на плащ-палатках, набитых соломой; на брёвнах переправляться через широкую реку, враг дрогнул. Фашисты поняли: советские воины не дадут им пощады.

Фашисты бомбили переправу, обстреливали её из пушек и миномётов, но не смогли остановить наступления.

Войсками Ватутина был взят Киев! Город горел, дома были разрушены, водопровод взорван. Из лесов, болот, оврагов возвращались жители. Со слезами обнимали и целовали они своих освободителей.

...Николай Фёдорович стоял у стола, на котором лежали письма. Одно письмо он перечитал несколько раз. Мальчик Витя Рыбаков писал генералу: «Спасибо Вам за то, что спасли дедушку и бабушку, тётю и маленького братика от проклятого зверя-фашиста, убившего маму и папу...»

Спрятав письмо в карман кителя, генерал вышел из штаба. А через минуту командующий фронтом мчался туда, где готовилось новое сражение.

...Вечером 17 апреля 1944 года в столице нашей Родины Москве прозвучали траурные артиллерийские залпы. Прохожие снимали шапки, крепче сжимали винтовки часовые у Кремля. Москвичи знали — в этот час хоронят полководца Николая Фёдоровича Ватутина, сражённого на поле боя.

Три сына были у Веры Ефимовны Ватутиной. И все трое сложили головы за родную землю. Афанасий — рядовой солдат, Семён — тоже, а Николай — генерал. Но знает она: каждый защищал Родину, не жалея жизни. Она ведь и сама им говорила: «Страха не знайте, родные, бейтесь с врагом не на жизнь, а на смерть!»

Стоя у могилы Николая Фёдоровича, окружённая товарищами сына — генералами, выпрямилась Вера Ефимовна, взглянула на широкий Днепр и сказала:

— Прощайте, дети мои! Прощайте, солдаты!

В эти минуты людям ещё ближе стал полководец, который был для матери простым солдатом.

На высоком берегу Днепра, в зелёном парке стоит большой памятник. Смотрит вдаль, на освобождённую Украину, солдат матери Родины, народный герой Ватутин, кавалер ордена Суворова. Как и о Суворове, память о нём будет жить всегда.

III

Суворов командовал солдатами, а матросами в то время командовал адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков. Когда он повёл моряков на крепость Корфу, сильнейшую морскую крепость, враги не думали, что крепость может быть взята. Но русские её взяли.

Старый генералиссимус Суворов прислал в те дни Ушакову письмо: «Ура русскому флоту! Жалею, что не был я при Корфу хотя бы мичманом!» [1]

Как мы должны гордиться людьми, у которых на груди медаль Ушакова! Матросы за мужество и отвагу награждались ею в годы Великой Отечественной войны.

Одному из таких героев, юнге Макарову, было всего четырнадцать лет.

Потопив три вражеских корабля, торпедный катер, на котором плыл юнга Макаров, возвращался на базу. И тут он попал в «огненный мешок» — с берега по катеру ударила вражеская артиллерия, а с моря били орудия пятнадцати кораблей неприятеля.

Спокойно и быстро помогал краснофлотцам юнга. То там, то здесь он появлялся в самые трудные минуты: перевязал рану сигнальщику, помог ставить дымовую завесу, заменил моториста. Юнга показал себя настоящим матросом и был награждён медалью Ушакова.

Вот какие храбрецы защищали нашу родную землю.

---

[1] Мичман — младший командир на флоте.

В СТАРОМ ТАНКЕ

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ *Рис. Ю. РЕБРОВА*

Он уже собрался уезжать из этого города, сделал свои дела и собирался уезжать, но по дороге на вокзал вдруг натолкнулся на маленькую площадь.

Посередине площади стоял старый танк. Он подошёл к танку, потрогал вмятины от вражеских снарядов — видно, это был боевой танк, и ему поэтому не хотелось сразу от него уходить. Поставил чемоданчик около гусеницы, влез на танк, попробовал люк башни, открывается ли. Люк легко открылся, тогда он залез внутрь и сел на сиденье водителя. Это было узенькое тесное место, он еле туда пролез без привычки и даже, когда лез, расцарапал себе руку.

Он нажал педаль газа, потрогал рукоятки рычагов, посмотрел в смотровую щель и увидал узенькую полоску улицы. Он впервые в жизни сидел в танке, и это всё для него было так неожиданно, что он даже не слышал, как кто-то подошёл к танку, влез на броню и склонился над башней. И тогда он поднял голову, потому что тот, наверху, загородил ему свет.

Это был мальчишка. Они целую минуту смотрели молча друг на друга. Мальчишка уже хотел ему сказать что-нибудь резкое, что, мол, нечего забираться в чужой танк, но потом увидел глаза этого мужчины и увидел, что у него пальцы чуть-чуть тряслись, когда он подносил сигарету к губам, и промолчал.

Но молчать нельзя ведь без конца, и мальчишка спросил:

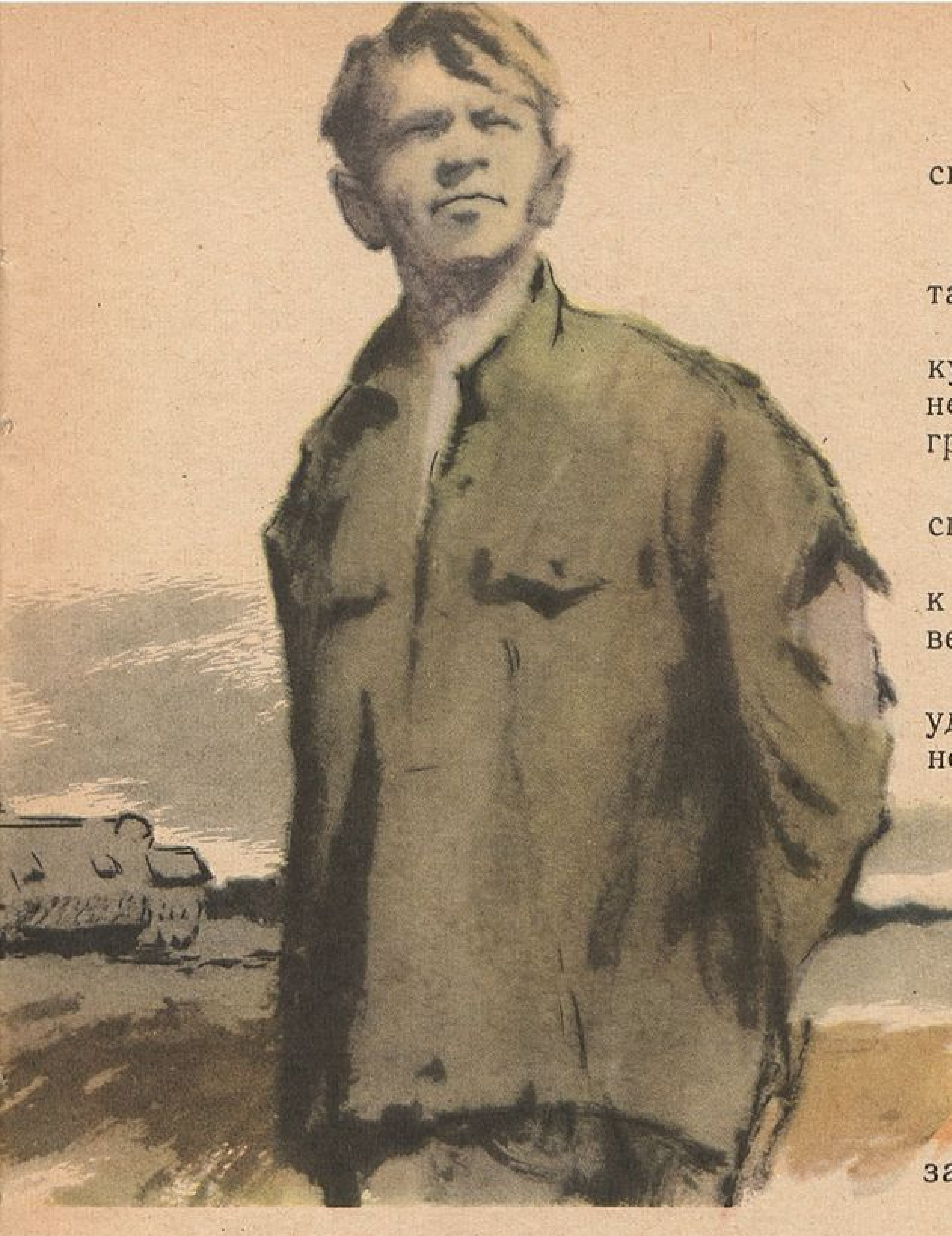
— Вы чего здесь?

— Ничего, — ответил он. — Решил посидеть. А что, нельзя?

— Можно, — сказал мальчик. — Только этот танк наш.

— Чей ваш? — спросил он.

— Ребят нашего двора, — сказал мальчишка.

— Мой отец был танкистом на войне, — сказал мужчина.

— А теперь? — спросил мальчишка.

— А теперь его нет. Не вернулся с фронта. В сорок третьем пропал без вести.

В танке было почти темно. Через узкую смотровую щель пробивалась тоненькая полоска, а тут ещё небо затянуло грозовой тучей, и совсем потемнело.

— А как это — «пропал без вести»? — спросил мальчик.

— Пропал без вести — значит ушёл, к примеру, в разведку, в тыл врага и не вернулся. И неизвестно, как он погиб.

— Неужели даже это нельзя узнать? — удивился мальчик. — Ведь он там был не один.

— Иногда не удаётся, — сказал мужчина. — А танкисты — смелые ребята. Вот сидел, к примеру, тут какой-нибудь парень во время боя: свету всего ничего, весь мир видишь только через эту щель. А вражеские снаряды бьют по броне. Видал, какие выбоины? От удара этих снарядов по танку голова могла лопнуть.

С улицы раздался грохот грома, глухо зазвенел танк. Мальчишка вздрогнул.

— Ты что, боишься? — спросил он.

— Нет, — ответил мальчишка. — Просто вздрогнул от неожиданности.

— Недавно я прочёл в газете об одном танкисте, — сказал мужчина. — Вот это был человек! Этот танкист попал в плен к фашистам: может быть, он был ранен или контужен, а может быть, выскочил из горящего танка, и они его схватили. В общем попал в плен. И вдруг однажды его сажают в машину и привозят на артиллерийский полигон. Сначала танкист ничего не понял: видит, стоит новенький «Т-34», а вдали группа немецких офицеров. Подвели его к офицерам. И тогда один из них говорит: вот, мол, тебе танк, ты должен будешь пройти на нём весь полигон, шестнадцать километров, а по тебе будут стрелять из пушек наши солдаты. Проведёшь танк до конца — значит будешь жить, и лично я тебе дам свободу. Не проведёшь, значит погибнешь. В общем на войне как на войне.

Он, наш танкист, совсем ещё моло-

Они снова помолчали.

— Вы ещё долго будете здесь сидеть? — спросил мальчишка.

— Скоро уйду. — Он посмотрел на часы. — Через час уезжаю из вашего города.

— Смотрите-ка, дождь пошёл, — сказал мальчишка.

— Ну, давай заползай сюда и закрывай люк. Дождь переждём, и я уйду.

Хорошо, что пошёл дождь, а то пришлось бы уйти. А он ещё не мог уйти, что-то его держало в этом танке.

Мальчишка кое-как примостился рядом с ним. Они сидели совсем близко друг от друга, и было как-то удивительно и неожиданно это соседство.

— Вообще-то старые, фронтовые танки — это моя слабость, — сказал он.

— Этот танк — хорошая вещь, — мальчишка со знанием дела похлопал ладонью по броне. — Говорят, этот танк освобождал наш город.

дой, ну, может быть, ему было двадцать два года. А он стоял перед фашистским генералом, старым, худым, длинным, как палка, генералом, которому было наплевать на этого танкиста и наплевать, что тот так мало прожил, что его где-то ждёт мать, — на всё было наплевать. Просто этому фашисту очень понравилась игра, которую он придумал с этим советским: он решил новое прицельное устройство на противотанковых пушках испытать на советском танке.

«Струсил?» — спросил генерал.

Танкист ничего не ответил, повернулся и пошёл к танку... А когда он сел в танк, когда влез на это место и потянул рычаги управления, и они легко и свободно пошли на него, когда он вдохнул привычный и забытый, и такой знакомый запах машинного масла, у него прямо голова закружилась от счастья. И, веришь ли, он заплакал. От радости заплакал, он уже никогда и не мечтал, что снова сядет в свой любимый танк. Что снова окажется на маленьком клочке, на маленьком островке родной, милой советской земли.

На минуту танкист склонил голову и закрыл глаза: и вспомнил далёкую Волгу и высокий город на Волге. Но тут ему подали сигнал: пустили ракету. Это значит, пошёл вперёд. Он не торопился, внимательно глянул в смотровую щель. Никого, офицеры спрятались в ров. Осторожно выжал до конца педаль газа, и танк медленно пошёл вперёд. И тут ударила первая батарея: фашисты ударили, конечно, ему в спину. Он сразу весь напружинился и сделал свой знаменитый вираж: один рычаг до отказа вперёд, второй назад, полный газ, и вдруг танк, как бешеный, крутнулся на месте на сто восемьдесят градусов — за этот манёвр он всегда получал в училище пятёрку — и неожиданно стремительно помчался навстречу ураганному огню этой батареи. «На войне как на войне, — вдруг закричал он сам себе, — так, кажется, говорил ваш генерал!» Он прыгнул танком на эти вражеские пушки и раскидал их в разные стороны. «Неплохо для начала, — подумал он. — Совсем неплохо».

Вот они, фашисты, совсем рядом, но его защищает броня, выкованная умелыми кузнецами на Урале. Нет, теперь им его не взять. На войне как на войне! Он вдруг почувствовал себя так, точно он находится на маленьком островке родной земли.

Он снова сделал свой знаменитый вираж и приник к смотровой щели: вторая батарея сделала залп по танку, и танкист бросил машину в сторону. Делая виражи вправо и влево, он устремился вперёд. И снова вся батарея была уничтожена. А танк уже мчался дальше, а орудия, забыв всякую очерёдность, начали хлестать по танку снарядами. Но танк был как бешеный; он крутился волчком то на одной, то на другой гусенице, менял направление и давил эти вражеские пушки. Это был славный бой, очень справедливый бой. А сам танкист, когда пошёл в последнюю лобовую атаку, открыл люк водителя, и все артиллеристы увидели его лицо, и все они увидали, что он смеётся и что-то кричит им.

А потом танк выскочил на шоссе и на самой большой скорости пошёл на восток. Ему вслед летели немецкие ракеты, требуя остановиться. Танкист ничего этого не замечал. Только на восток! Его путь лежал на восток. Только на восток, хотя бы несколько метров, хотя бы несколько десятков метров навстречу далёкой, родной, милой своей земле...

— И его не поймали? — спросил мальчишка.

Мужчина посмотрел на мальчика и хотел соврать, ну, вдруг ему захотелось соврать, что всё кончилось хорошо и его, этого славного геройского танкиста, не поймали. И мальчишка будет тогда так рад этому. Но он не соврал, просто решил, что в таких случаях нельзя ни за что врать.

— Поймали, — сказал мужчина. — В танке кончилось горючее, и его поймали. А потом привели к генералу, который придумал всю эту игру.

Его вели по полигону к группе офицеров два автоматчика. Гимнастёрка на нём была разорвана. Он шёл по зелёной траве полигона и увидел под ногами полевую ромашку. Он нагнулся и сорвал её, и вот тогда действительно весь страх из него

ушёл. Он вдруг стал самим собой: простым волжским пареньком небольшого роста, ну, как наши космонавты.

Генерал что-то крикнул ему по-немецки, и, прежде чем переводчик перевёл ему эти слова, прозвучал одинокий выстрел.

— А может быть, это был ваш отец?! — сказал мальчишка.

— Кто его знает, хорошо бы. Но мой отец пропал без вести.

Они вылезли из танка. Дождь кончился.

— Прощай, друг, — сказал мужчина.

— До свидания, — ответил мальчик. Он хотел добавить, что он теперь приложит все силы, чтобы узнать, кто был этот танкист, и, может быть, это действительно окажется отец, что он подымет на это дело весь свой двор, да что там двор — весь свой класс, да что там класс — всю свою школу!

Они разошлись в разные стороны.

Мальчишка побежал к ребятам, бежал и думал об этом танкисте, и думал, что он узнает про него всё-всё, а потом напишет этому мужчине. И тут мальчишка вспомнил, что не узнал ни имени, ни адреса этого человека. Он чуть не заплакал от обиды, ну, что тут поделаешь...

А мужчина шёл широким, размашистым шагом, помахивая на ходу чемоданчиком. Он никого и ничего не замечал, шёл и думал о своём отце и о словах мальчика. Теперь, когда он будет вспоминать отца, он всегда будет думать об этом танкисте.

Так хорошо, что у него появилась эта история, и этот старый танк, и этот мальчишка...

ПОДАРОК МАМЕ

Сценка для кукольного представления

А. СОКОЛОВСКИЙ

Участвуют: кукла Мурзилка и мальчик Кириллка.

На сцене перед ширмой — столик и стул. Под стулом — калоша. На столе лежит книжка. Выходит Кириллка.

Кириллка. Вот беда! Думаю, думаю, никак придумать не могу.

Мурзилка *(появляется над ширмой).* А о чём ты думаешь, Кириллка?

Кириллка. Что подарить маме 8 марта.

Мурзилка. Нарисуй картинку.

Кириллка. Рисовал. Не получается. *(Показывает большой лист бумаги, на котором изображён смешной человечек.)*

Мурзилка. Что ты, Кириллка! Прекрасная картинка. Я был в зоопарке и видел точно такого крокодила. Очень-очень похоже...

Кириллка. Вот и ты тоже. Ещё никто не угадал. Один говорит — слон, другой — верблюд и крокодил. А я самого себя нарисовал. *(Рвёт картинку и разбрасывает обрывки по полу.)*

Мурзилка. Ну, если картинка не получается, тогда... Тогда выучи песенку и спой маме.

Кириллка. Пробовал. Не выходит. Вот в книжке и слова и ноты. Слова выучил, а ноты никак не пойму. *(Бросает книжку на пол.)*

Мурзилка. Что же делать?.. Послушай, Кириллка! А что твоя мама любит больше всего?

Кириллка. Кино!.. Хотя нет, кино — это я люблю... Варенье!.. Нет, это тоже я... А мама больше всего любит порядок. А не любит она, когда я теряю калоши. Да разве я виноват, если они сами теряются? *(Достаёт калошу.)* Вот одна есть. А где другая, не знаю.

Мурзилка *(показывает другую калошу).* А это не твоя?

Кириллка. Моя, моя! Ура!.. Знаешь что, Мурзилка! Поставлю-ка я обе на стол, чтобы мама сразу увидела. Вот она обрадуется!..

Мурзилка. Обрадуется? Сам говорил, что мама любит порядок. А у тебя книжка валяется, бумажки на полу, да ещё и калоши на стол!

Кириллка. Ой! Я знаю, что мне делать! Я всё уберу, всё подмету, чтобы всюду был порядок!

Мурзилка. Правильно! Вот это и будет подарок!

Кириллка достаёт из-за ширмы щётку и начинает подметать. Калоши он ставит под стул. Мурзилка подаёт ему скатерть, вазочку с цветком. Рядом с вазочкой на стол Кириллка кладёт книжку. Мурзилка и Кириллка поют песенку. Её можно петь на знакомый мотив из радиопередачи «Угадай-ка».

Я теперь примерный самый.
Аккуратный самый я.
Пусть порадуется мама —
Мама, мамочка моя!
Пусть по праздникам и будням,
По утрам и вечерам
Мы помощниками будем
У любимых наших мам!

СНЕЖНЫЕ СТРАНИЦЫ

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ ***Рис. Е. МОНИНА***

1

Ой, что вьюга натворила!
В небе кашу заварила
Да на поле и на лес
Опрокинула с небес!

Стонут сосны, стонут...
Тонут сёла, тонут...
Слепнут поезда
И кричат: — Беда-а!..

Пропадает заяц —
Вязнет-увязает,
Тонет с головой
В каше снеговой.

А косматая стряпуха
Рада: — Ай да заваруха!..
Посвищу да похлещу —
Всех на славу угощу!

Стемнело, а вьюга беснуется:
Завьюжила в городе улицы;
Моторы ревут-надрываются,
Шофёры из сил выбиваются,

Увязли в снегу пешеходы,
Трамваи в сугробах увязли.
Нет людям проезда-прохода
На фабрики, в школы и в ясли...

А в далёкой сторожке лесной
Плачет девочка — страшно одной!
Дед ушёл ещё утром в село,
Да и сгинул — видать, замело.

В занесённой по крышу избушке
Печь остыла, ослепло окно.
Плачет девочка — птица в ловушке:
— Ой, как холодно, страшно, темно!..

2

Быть у вьюги в плену не желаем!
Злой стряпухе войну объявляем!
Шлём в сражение технику нашу —
Снеговую расхлёбывать кашу,
Выручать из беды города,
И машины, и поезда!

Завывая от натуги,
Наступают автоплуги:
Снег отваливая прочь,
Пробиваются сквозь ночь.

Снегомёт гудит в бою
Озабоченно,
Мечет снежную струю
За обочину.

Снег погрузчики гребут
Лапами-ручищами.
Где погрузчики пройдут —
Улицы расчищены.

Мчатся лыжников колонны,
Не задержатся в пути:
Нужно снегом заметённых
Отыскать,
Отрыть,
Спасти!

Слышен в домике лесном
Шум и говор за окном.
Откопали!.. Брызнул свет.
Комсомольцы... С ними — дед.
Снегом, снегом-то оброс!
Настоящий Дед Мороз!

Поняла шальная вьюга:
Вот что значит
Друг за друга!..
Присмирела, сникла
И к рассвету стихла...

3

Снег под ёлкой колыхнулся.
Заяц вылез, отряхнулся.
— Что, зайчишка?
Что, пострел!
— Отлежался!.. Уцелел!..

А вокруг-то — чем не сказка!
Солнце катит на салазках
По рассыпчатым горам,
Переливчатым коврам.

А деревья разодеты
В ожерелья-самоцветы.
Даже пень помолодел:
Шапку снежную надел.

Рада снегу детвора —
Не прогонишь со двора.

— Вот хороший
Снежок!
Нам ладоши
Обжёг!
Белый-белый-белый!
С ним, что хочешь, делай:

Хоть лопатой
Рой
Да палаты
Строй!
Хоть лепи
Мячи
Да в дружков
Мечи!

Всюду — смех, смех, смех!
Всюду — снег, снег, снег!
Хватит вдоволь
На любого
И на всех-всех-всех!

Ты лети с дороги, птица,
Зверь, с дороги уходи!
Видишь, облако клубится,
Кони мчатся впереди!

И с налёта, с поворота
По цепи врагов густой
Застрочит из пулемёта
Пулемётчик молодой.

Из песни о партизанской тачанке.

Рис. В. КУРДОВА

СНЕЖНАЯ ВАННА

Виктор БАНЫКИН *Рис. В. ПЕРЦОВА*

В феврале то и дело сыпал и сыпал с неба снежок — лебяжий пух, да и только.

И леса и перелески вокруг города стояли по-праздничному нарядные. Каждая веточка на дереве, каждый кустик будто из серебра.

Иду утром через лесок в соседнее село, а впереди, низко над запорошённой дорогой, пролетает стайка крупных розовогрудых снегирей.

Вдруг одна из птах шлёпается в сугроб, как на пуховую перину. Вынырнула, взмахнула крыльями и снова — уже с головой — зарылась в сугроб.

Я останавливаюсь и смотрю на резвого снегиря до тех пор, пока он не кончит принимать снежную ванну.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Всю ночь вьюжило. И ещё утром порывами налетал резкий ветер, передувал в лесу дороги, бросал в лица прохожих большие пригоршни иглистого снега.

Низко над деревьями висело мутное, в лиловых подтёках, небо, не сулившее ничего доброго. Раза два сквозь плотную серую кошму пыталось пробиться к земле бледное солнце, да так и не пробилось.

До конца зимы ещё десяток дней. Впереди ещё много метелей и буранов. И всё же — вопреки календарю — я слышал в это непогожее февральское утро весеннюю песенку.

«Цвинь, цвинь! Цвинь, цвинь!» — вдруг разнеслась по безмолвному лесу дерзкая весёлая песенка.

Смотрю влево, смотрю вправо... порхают с ветки на ветку озабоченные воробышки, а звонкая песенка всё не смолкает и не смолкает.

Неужели, думаю, это синица-вещунья возвестила миру о скором приближении весны?

Так и есть. На одной искривлённой сосенке, окружённой невысокими берёзками, прыгала на суку, вертелась туда-сюда прехорошенькая синица. Прыгала и знай себе распевала:

«Цвинь, цвинь! Цвинь, цвинь!»

Вот как услышал я в феврале первую весеннюю песенку.

ЛУЧШАЯ ОТМЕТКА

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Весело возвращаться домой из гимназии в сентябрьский день: сады расцвечены багряными красками, воздух напоён запахом яблок и осенних цветов. Дома ждут братья и сёстры, весёлые игры, прочитанная до самого интересного места книга, гигантские шаги во дворе. А вечером вернётся папа, и ему можно будет показать свой дневник, в котором красуются крепкие и круглые пятёрки.

По дороге Володя завернул к женской гимназии, подождал Олю.

— Ну как? — спросил он.

Оля весело помотала головой, отчего её коса, похожая на тугую рыбку, описала в воздухе полукруг.

— Из истории «пять» и из химии «пять».

Схватившись за руки, брат и сестра помчались вниз по Покровской улице.

— Ты знаешь, как я волновалась! — вдруг остановилась Оля. — Сижу за партой и ничего не помню, а когда учительница вызвала к доске, в голове всё пришло в порядок. Ух, как я рада, что не срезалась!

— Ты же вчера свою химию при луне повторяла, — засмеялся Володя. — Я вылез на балкон и видел, как ты пальцем на стекле формулы выводила.

Володя по-хорошему завидовал сестре, её усидчивости и терпению. Вот кто умел упорно трудиться!

— Нас кто-то ждёт у калитки, — сказала Оля.

Володя прищурил левый глаз.

— Да, какой-то парнишка. Я его не знаю.

Подошли ближе. У изгороди стоял мальчик лет двенадцати, ровесник Володе. Видно было, что он пришёл издалека: лапти разбиты, длинный кафтан покрыт пылью, за спиной на палке болтается мешок.

— Ты к нам? — спросил Володя.

— Я к главному учителю Ульянову. Люди сказали, что он живёт здесь.

— Здесь, здесь, — живо подтвердил Володя. — Это наш папа. Почему же ты не входишь?

— Боязно. Мой отец сказал, что в Симбирске в каждом дворе злая собака.

Володя распахнул калитку. Оля прошмыгнула первой и побежала вперёд.

Володя сказал:

— У нас никакой собаки нет. А па

пу придётся ждать, он вернётся вечером. А зачем он тебе?

— В школу мне надо. Учиться.

— Как тебя зовут?

— Иваном.

— Меня зовут Володя, сестру — Оля. Будем знакомы. Ты мордвин? — спросил Володя, прислушиваясь к чокающему говору мальчика.

— Да, я мордвин. Твой отец сердитый?

— Увидишь сам.

Мама с Олей накрывали на стол в беседке, а Володя с Ваней пошли мыться в сарай. Натаскали воды из кадушки, нагретой солнцем. Ваня с любопытством смотрел, как Володя мылил себе голову и как у него под руками вырастала снежная шапка. И Ваня захотел такую же шапку. Он никогда не видел мыла. Володя фыркал — и Ваня фыркал. Володя обливался из ведра — и Ваня обливался. А потом, вымытый, чистый, деловито рассматривал себя в Володиных холщовых брюках и в серой рубашке.

За обедом мама подкладывала Ване самые большие куски. Ваня уплетал за обе щёки и рассказывал, что он давно, ещё с весны, решил учиться. А отец не пускал в школу — незачем, говорит, мордвину учиться. Мордвин бедный, ему ничего не надо знать: если много будет знать, невзлюбит свою жизнь. Отец у Вани бурлак и дед был бурлаком, а Ваня хочет быть учителем. Люди сказали, что занятия в школе начинаются в ту пору, когда пожелтеют листья. Вот Ваня и ждал, пока берёза под окном вызолотит все свои листочки. Ночью он ушёл тайком из дому. Ушёл искать школу. Много деревень прошёл — нигде нет школы. Люди сказали, что в Симбирск надо идти к главному учителю Ульянову, он поможет...

Володя внимательно слушал, подавшись вперёд, ссутулив плечи, сдвинув брови, и только тихонько произносил: «Гм... гм... да... да...»

После обеда Володя с Олей повели Ваню к себе наверх, показали ему книжки с картинками.

— Вот это библия! — воскликнул Ваня, разглядывая книжку.

— Какая библия? — удивился Володя. — Это «Хижина дяди Тома». Самая лучшая книжка на свете.

— Нет, библия, — настаивал Ваня. — Я сам видел такую штуку в церкви.

Брат с сестрой переглянулись. Они поняли, что мальчик никогда не держал в руках книги.

Володя был потрясён. Он ровесник Ване и успел прочитать много-много книг, а этот чудесный мир закрыт для маленького мордвина. Ваня вертел в руках книгу, перелистывал её, как слепой, ощупывал пальцами строчки, и глаза его оживлялись, когда он встречал картинку.

— Хочешь, почитаю? — предложила Оля.

Ваня слушал и следил за Олиным пальцем. Палец двигался по строчкам-бороздкам, и все бороздки были одинаковые, и каждая страница была похожа на аккуратно вспаханное поле. Как же девочка высматривает в этих бороздках такие интересные истории и почему, как ни пялит глаза Ваня, он сам ничего этого не видит?

Володя сидел рядом и старался углубиться в латынь. И не мог. Его подавляло смутное чувство недовольства собою, какое-то сознание вины перед Ваней. Отец часто рассказывал детям об ужасной нищете и бесправии в деревне. А теперь Володя сам услышал это от мальчика. Чем порадовать Ваню? Подарить ему свою любимую книгу? Но Ваня не умеет ещё читать. Отдать свои сокровища — коллекцию пёрышек? Но он не умеет писать.

Вечером приехал Илья Николаевич. Он был на открытии двух новых сельских школ, вернулся в отличном настроении, и ему не терпелось поделиться своей радостью с Марией Александровной, с детьми.

— Папочка! — начал было Володя, но отец уже всё знал от мамы.

— Мы поговорим с молодым человеком, а ты иди к себе.

Володя и Оля уселись на сундуке в передней и с нетерпением ждали решения отца.

Ваня вышел из кабинета счастливый. Он ничего не говорил, только смеялся. Смеялись его глаза, губы и даже кончик сморщенного носа.

Володя побежал к отцу.

— Папочка, как хорошо, что ты определил Ваню в школу! Он такой счастливый.

— Нет, — ответил Илья Николаевич, — он опоздал, и ребята в занятиях ушли далеко вперёд.

— Но он опоздал не по своей вине. Ему сказали, что занятия в школе начинаются, когда пожелтеют листья на деревьях. Вот он и ждал, а потом искал школу. Он шёл до Симбирска

две ночи и два дня. Разве можно, чтобы он ушёл ни с чем? — Перед глазами Володи стояло счастливое лицо Вани. — Папочка, разве ты не хочешь, чтобы он учился?

— Ты сам понимаешь, что нельзя задерживать целый класс из-за одного ученика. — Илья Николаевич внимательно смотрел на сына.

Володя весь вдруг вспыхнул, зарделись щёки, заискрились глаза. Он подошёл ближе к отцу.

— Он догонит ребят, папочка. Мы поможем ему — я и Оля. Я даю тебе слово.

Складка на лбу у Ильи Николаевича разгладилась, густые брови вскинулись вверх, губы дрогнули в улыбке.

— Вот именно этого я и ждал от тебя. Я буду просить, чтобы Ваню приняли в школу.

Володя порывисто обнял отца и помчался наверх...

Над садом висела полная луна. Огромные вязы в саду, казалось, подпирали небо.

Володя стоял на балконе. Его не покидало чувство недовольства собой.

На балкон пришла Оля.

— Я показала папе свой дневник. Он посмотрел на пятёрку по химии и сказал: «Это ещё не самая лучшая твоя отметка». А какая же может быть лучше, Володя? — Оля заглянула в лицо брату.

Володя молчал.

— О чём ты думаешь?

— О Ване... о пятёрках... Ты слышишь? — Володя указал рукой вниз. Через двор, по дорожке, посыпанной лунным светом, шли папа, мама и старшие — Аня и Саша. Илья Николаевич смеялся особенно задушевно, и в ответ ему ласково звучал голос мамы. — Ты слышишь? — повторил Володя. — Папа рассказывает про Ваню и радуется так, словно открыл новую школу.

Володя схватил Олю за руку.

— Я знаю, я знаю, что такое лучшая отметка! — Оля посмотрела на брата, на его сияющее лицо. — Лучшая наша с тобой отметка будет первая пятёрка Вани. Правда?

Володя спрыгнул с перил и заглянул в окно. Ваня спал, крепко обхватив руками «Хижину дяди Тома», которую Володя получил в подарок за успехи в учении.

Первой учительницей Володи была его мама — Мария Александровна. Володя научился читать, когда ему исполнилось пять лет, и с тех пор чтение книг стало его самым любимым занятием.

Девяти с половиной лет Володя поступил в гимназию в первый класс. Он учился лучше всех и переходил из класса в класс с Похвальной грамотой.

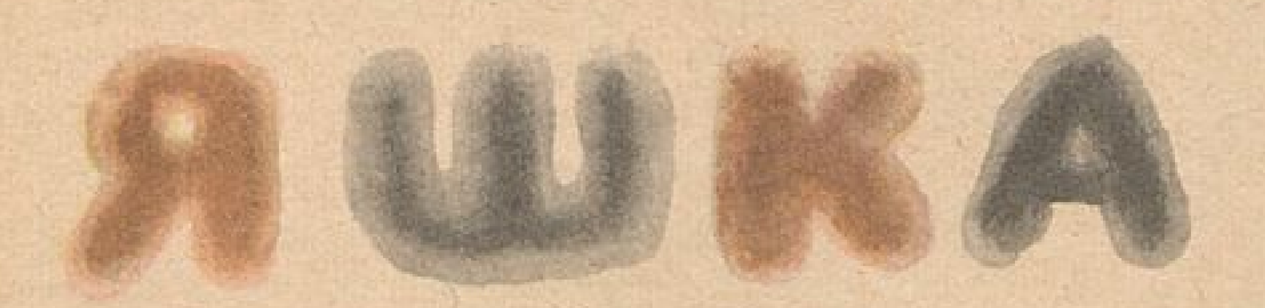
Володя был шаловливым, подвижным мальчиком. Очень любил шумные, весёлые игры. Рано научился играть в шахматы, был хорошим пловцом и конькобежцем, с увлечением играл в городки, бабки, крокет.

Он был отличным товарищем, и у него всегда было много друзей.

В последнем классе гимназии Володя был моложе всех и единственный из 27 учеников получил золотую медаль.

Ещё в детстве и ранней юности он прочитал много прекрасных книг. Рано познакомился с марксистской литературой, ею увлекались его сестра Аня и старший брат Саша. И в своих классных сочинениях Володя писал об угнетённых народах и своём большом сочувствии к ним.

Яшка

Письмо из Вьетнама

О. ВЛАДИМИРОВ *Рис. Н. УСТИНОВА*

Несколько месяцев назад позвонили мне из Москвы и предложили поехать в командировку в Демократическую Республику Вьетнам, да не одному, а всей семьёй. Согласился я. Пришёл домой, собралась вся наша семья — дочка Оля, сын Витя, жена и я, — начали складывать чемоданы. Ребята стараются побольше взять игрушек, кладут их в чемоданы, а я и жена потихоньку выбрасываем, чтобы поменьше багажа было.

Было начало осени. В Москве в день отъезда стояла хорошая, тёплая погода, а за Байкалом попадались заснеженные поля. Ребята едут и удивляются: какая наша страна огромная!

Через несколько дней пересекли границу Китая. Проехали Китай и попали во Вьетнам, а через несколько часов — в его столицу город Ханой. Улицы в городе тенистые, везде цветы, и прямо около домов растут мандарины, апельсины и бананы.

Вскоре пришлось мне поехать в небольшой городок в джунглях. Вот здесь-то я и познакомился с Яшкой.

На окраине стоял домик, окружённый деревьями, а во дворе, привязанная тонкой верёвочкой к дереву, бегала обезьянка — озорная, весёлая, с мягкой серовато-бурой шёрсткой. Подошёл к ней, начал играть. Обезьянка от удовольствия урчит, на задних лапках бегает.

Пора было собираться в обратную дорогу. Вьетнамцы на прощание отвязали обезьянку и подарили мне.

Всю дорогу она вертелась в корзине, куда её засунули. А когда приехали в Ханой, привязал её цепочкой к дереву во дворе гостиницы. Собрались соседи, знакомые, ребята, любуются забавным весёлым зверьком и спрашивают, как звать его.

А я молчу, при мне, кажется, обезьянку никто по имени не называл. Мог я и не разобрать имени, так как вьетнамский язык почти не знаю.

Сидим на корточках вокруг обезьянки и придумываем разные имена, ждём, к кому она подойдёт. Жена зовёт: «Яшка, Яшка!» И вдруг зверюшка прыг к ней на руки и притихла. Вот так и получила обезьянка своё имя.

С утра Яшка на ногах, то на четырёх бегает, то, как маленький человечек, на двух. Получит банан, заурчит от удовольствия. Одной лапкой держит его, другой шкурку снимает. Очистит и только тогда есть начинает. Смешно на него смотреть в это время. Сразу не глотает, а прячет за щёки. Они становятся похожими на маленькие туго набитые мешочки.

А попробуйте отнять банан или апельсин у Яшки. Глазёнками засверкает, к животу одной лапкой прижмёт и убегает.

Привык к нам Яшка. Подойдёшь к нему, позовёшь, он на руки прыгнет, уляжется, как маленький ребёнок, и делает вид, что спит.

Расставаться с этим озорником хуже. Только спустишь его на землю, он, как пружинка, под-

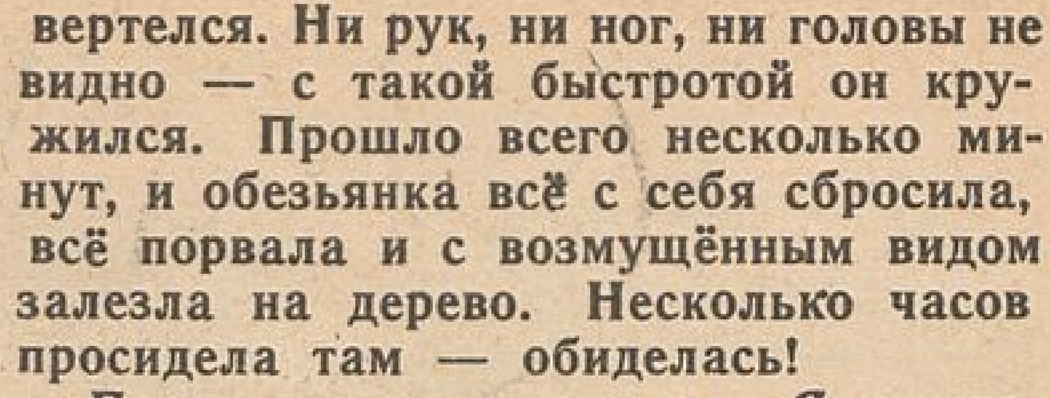

прыгнет и бежит в дальний уголок двора. Там сожмётся в комочек и начинает то жалобно пищать, то возмущённо кричать. Обижается, что не дали на руках подольше понежиться.

Наступила вьетнамская зима. Не похожа она на нашу. Так же как и летом, зеленеют деревья на улицах Ханоя, редко-редко можно встретить дерево без листвы. Зацвели персиковые деревья, которые здесь вместо ёлки на Новый год в комнате ставят. На рынке, так же как и летом, продаются бананы, апельсины, кокосовые орехи, помидоры и масса других фруктов и овощей. Но температура воздуха стала ниже: 10—12 градусов (конечно, тепла, а не холода), и обезьянка стала мёрзнуть.

Пожалели Яшку. Жена сшила ему чепчик и телогрейку. И превратился Яшка в какого-то сказочного гномика. Но только гномы, если верить сказкам, народ спокойный, рассудительный; не таков наш озорник, да и одежда непривычна для него.

Только одели его, дали свободу, исчез Яшка, а вместо него на цепочке свистящий, кричащий клубок за-

вертелся. Ни рук, ни ног, ни головы не видно — с такой быстротой он кружился. Прошло всего несколько минут, и обезьянка всё с себя сбросила, всё порвала и с возмущённым видом залезла на дерево. Несколько часов просидела там — обиделась!

После этого сделали для Яшки домик из ящика. Не часто он туда залезает, но, когда особенно холодно, приходится там и ночь провести. Днём его цепочкой привязывали к дереву.

Сидим мы однажды все в комнате, занимаемся своими делами. Вдруг слышим урчание за дверью. Только приоткрыли её посмотреть, в чём дело, в комнату ворвался Яшка с обрывком цепочки на ошейнике. Тяжёлые минуты пришлось пережить. Нам казалось, что была не одна, а сто обезьян и все они, как молнии, метались по квартире.

Прежде всего пострадала одна из кроватей. Здесь они не такие, как у нас.

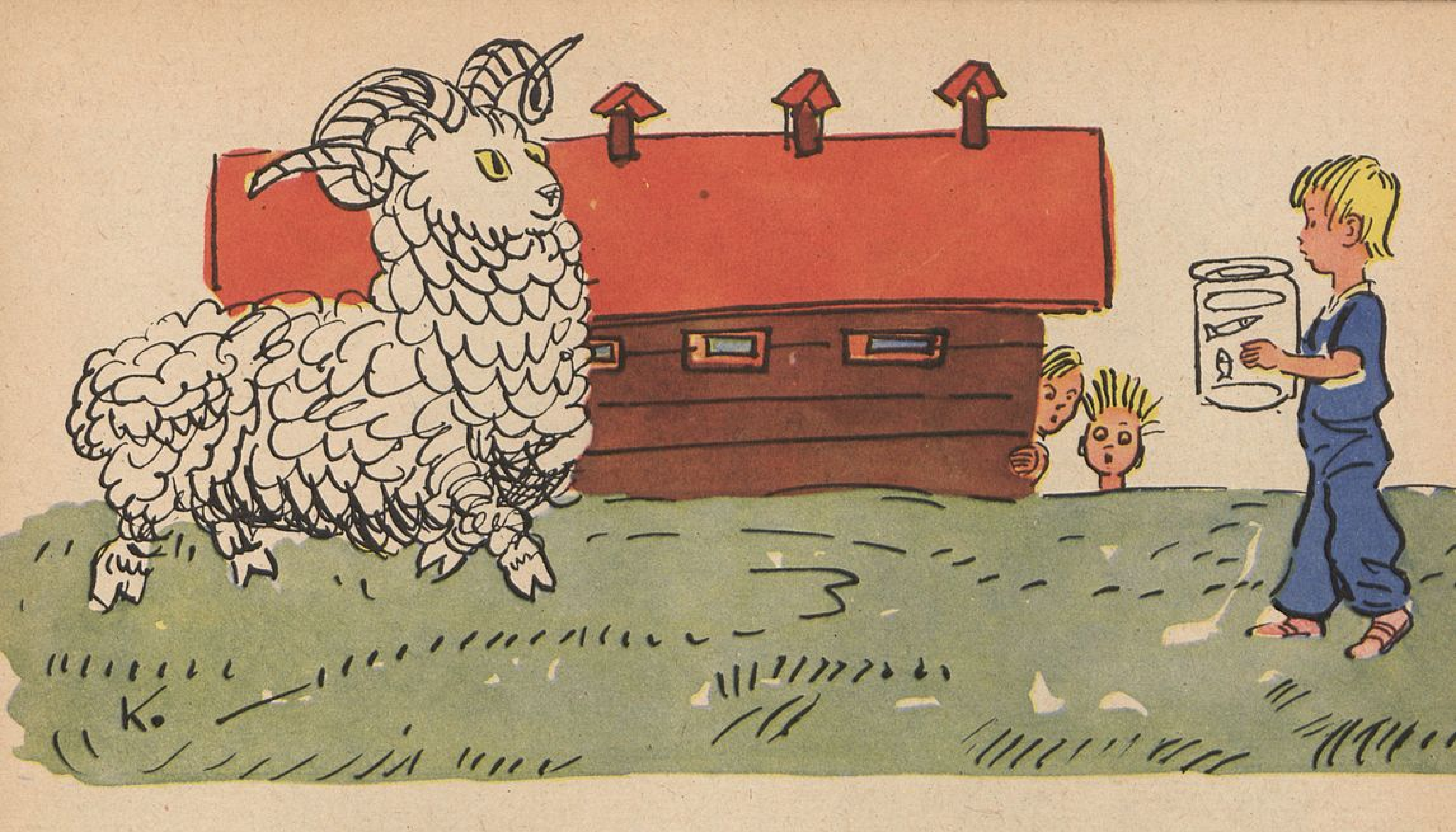
Во Вьетнаме много комаров, поэтому к углам кроватей прикрепляются тонкие высокие палки, на которые натягивается сетка. Днём сетку поднимают вверх, а когда ложатся спать, опускают её и подсовывают со всех сторон под матрац. Получается настоящий домик с полупрозрачными стенками: и дышать хорошо, и ни один комар тебя не укусит.

Вот Яшка и бросился на стойку кровати и стал её трясти. Не выдержала тонкая стойка, упала, но Яшка не упал, он вскочил на верхнюю сетку. Сетка со всеми стойками упала, и мы оказались под ней, а Яшка на голове у дочери. В комнате шум, крик, и никто не может понять, что дальше делать. Только освободились от сетки, слышим, что-то свалилось на пол. Оказывается, Яшка уже успел сбить кораблик, который стоял на радиоприёмнике.

Разбил Яшка кораблик, опрокинул чернильницу, сорвал со стены календарь, но не успокоился и в руки не давался до тех пор, пока не догадались предложить ему печенье. Начал он есть после беготни с аппетитом и попал в наши руки, а затем во двор на цепочку.

Вот какой у нас Яшка. Привыкли мы все к этому озорнику, а скоро расставаться. Кончается срок командировки. Разве можно его с собой везти в Ленинград: на улице держать нельзя, а в комнате тоже — всё перевернёт. Сидим часто теперь по вечерам и думаем, куда деть обезьянку.

СЕРДИТЫЙ КУЗЬКА

А. МУСАТОВ *Рис. А. КАНЕВСКОГО*

Если верить слухам, то самым смелым и отчаянным мальчишкой в Озерках был Петька Мигачёв.

Ему ничего не стоило нырнуть в глубокий омут у запруды, забраться на самое высокое дерево, пройти тёмной ночью через кладбище.

Петька не боялся даже сердитого барана Кузьки из колхозного стада.

Здоровый, сильный, ростом с доброго телёнка, с тяжёлыми витыми рогами, Кузька был страшный забияка и озорник. В драке он забивал всех остальных баранов, любил наподдать рогами телёнка, не слушался пастуха и часто убегал из стада.

Собрав компанию мальчишек, Петька встречал барана где-нибудь на улице и начинал его дразнить. Но действовал он хитро и расчётливо: на открытом месте с бараном не связывался, а гнал его поближе к избам или к деревьям, чтобы, на худой конец, было куда спрятаться. И тут Петька хватался за увесистую палку и нещадно колотил Кузьку. Кончалось всё тем, что баран убегал в лес и несколько дней не появлялся в стаде.

Пастух звал Кузьку «Змеем-Горынычем» и упрашивал колхозного животновода убрать его из стада и держать на привязи.

Но животновод, Степан Иванович Горохов, не соглашался — баран дорогой, породистый, и его надо беречь пуще глаза. И как-то раз, встретив мальчишек, попросил помочь пастуху.

— Есть вам задание, ребята. На всё лето. Следите-ка вы за Кузькой... Как он от стада отобьётся, гоните обратно к овцам.

— А как же его погонишь? — спросил Вовка Пахомов. — Он бодается.

— А вы его не дразните, — посоветовал Степан Иванович. — Постарайтесь приучить к себе... Кузька всё же не дикий зверь, а домашнее животное.

Вовка переглянулся с ребятами.

— Ладно, попробуем... — сказал он.

Однажды в полдень ребята увидели Кузьку на огороде у Гороховых. Баран по-хозяйски расхаживал по грядкам и похрустывал молодыми кочанами капусты.

— Это же не Кузька, а впрямь Змей-Горыныч! — чуть не плача, закричала Нюшка Горохова. — Всю капусту у нас пожрал.

Она схватила хворостину и погнала барана из огорода.

— Ребята, окружай Кузьку! — распорядился Вовка. — В стадо его погоним.

Он достал из кармана верёвочку, кусок хлеба и принялся приманивать барана.

Неожиданно появился Петька Мигачёв.

— Ага! Кузя здесь! — обрадовался он. — Давненько мы с ним не встречались... А ну, кто смелый, выходи вперёд!..

— Не надо его дразнить, — попросил Вовка.

— Эх, ты... барана испугался, — фыркнул Петька. — А ты бегай, увёртывайся...

— А я говорю, не надо. Опять Кузька убежит куда-нибудь. Дядя Степан просил его в стадо пригнать...

Но Петька уже ничего не слышал. Он кружился около барана, тыкал ему в морду прутиком,

дёргал за хвост, хватал за рога, приплясывал, что-то кричал. Потом, встав на четвереньки, даже заблеял по-овечьи и запрыгал перед Кузькой, словно предлагал ему пободаться.

Баран сначала жевал траву, потом, выпучив глаза и опустив голову, двинулся на Петьку. Но тот увернулся и, изловчившись, схватил барана за рога и прыгнул ему на спину. Мальчишки ахнули — такого номера Петька ещё никогда не показывал.

А Кузька мчался по кругу, метался из стороны в сторону, потом запрыгал, сбросил Петьку со спины и, выставив рога, кинулся на мальчишек. Те бросились врассыпную: кто забрался на брёвна, кто полез на дерево. Нюшка с девчонками спрятались на крыльце.

Вовка было побежал к крыльцу, но не успел юркнуть в дверь, как Кузька с силой ударил его рогами в спину. Вскрикнув, мальчишка растянулся на траве и ползком забрался под крыльцо. Там уже сидел Петька Мигачёв.

— Совсем Кузька осатанел! — буркнул он. — Разве такого приучишь!

Разъярённый баран продолжал метаться по переулку — теперь берегись мальчишки-обидчики!

Неожиданно из-за угла дома показался шестилетний белоголовый Минька, Нюшкин братишка.

Он возвращался с речки и, счастливо улыбаясь, держал в руках стеклянную банку с водой. В воде плавали крошечные пескари и уклейки — первый Минькин улов.

Девчонки, сбившиеся на крыльце гороховского дома, ахнули — баран мчался прямо на малыша.

— Минька, беги!.. Прячься! — закричала Нюшка.

Минька оторвал взгляд от пескарей и уклеек, поднял голову и только тогда заметил барана.

— Кузька!.. — удивился он. — Опять ты из стада убежал...

Баран на мгновение остановился, покрутил головой, потом неторопливо подался вперёд и толкнул Миньку крутыми рогами в грудь.

Мальчишка плюхнулся на землю. Банка вы-

пала у него из рук, вода пролилась, и серебристые пескари и уклейки запрыгали по траве.

— Дурак... это же рыба, — обиделся Минька, думая, что Кузька затеял с ним игру.

Он попытался подняться, чтобы собрать рыбок, но баран снова боднул его в грудь и сбил на землю.

— Петька, ребята! — закричала Нюшка. — Гоните Кузьку!

Но мальчишки подойти к барану не решались. Они посматривали на Петьку. А он и не думал выползать из надёжного укрытия.

— Что ж, Мигач? — с досадой сказал Вовка. — Ты ж ничего не боишься... Хоть палкой гони Кузьку...

— Да ну его, — отмахнулся Петька. — Ещё шарахнет рогами, как тебя... А с Минькой он просто играет. Сейчас сам отойдёт.

Вовка поморщился, потёр ушибленную спину, вылез из-под крыльца и закричал на барана страшным голосом. Он обзывал Кузьку проклятым, окаянным и требовал, чтобы тот немедля отошёл от Миньки. Потом Вовка оглушительно засвистел и принялся швырять в барана палки и комья земли. Засвистели с деревьев и мальчишки.

Но Кузька не обратил на это никакого внимания.

Отступая немного назад, он пережидал, когда Минька поднимется, разбегался и вновь опрокидывал его на землю.

— Ой, мамочка! — всполошённо закричала Нюшка. — Забодает он Миньку! Помогите!

Но ни матери, ни отца дома не было.

Нюшка метнулась в сени и схватила обшарпанный берёзовый веник. Растолкав девчонок, она сбежала с крыльца и бросилась к барану. Но её опередил Вовка. Он вытащил из изгороди длинную жердь и огрел Кузьку по шерстистой спине.

Баран обернулся и, угрожающе мотнув рогами, ринулся на врага. Вовка второй раз полетел на землю. Швырнув в барана веником, отступила и Нюшка.

Но Кузька не стал их преследовать. Убедившись, что сзади ему никто не угрожает, он вернулся к Миньке и вновь боднул его в грудь. Мальчишка понял, что это уже не игра, и заревел во весь голос. Что было делать?

Нюшка метнулась вдоль переулка.

— Я сейчас взрослых позову!.. Я мигом...

С деревьев и брёвен начали спускаться мальчишки — была не была, а Миньку надо выручать.

И тут Вовка заметил около крыльца корзину с мокрым бельём. Должно быть, Нюшкина мать выстирала его утром, а выполоскать на речке не успела.

Недолго думая, Вовка выкинул бельё и, подхватив пустую корзину, кинулся к барану.

Когда Кузька в какой уже раз собрался боднуть Миньку, мальчишка с размаху накинул корзину барану на рога.

Кузька как будто внезапно ослеп.

Стараясь сбросить с рогов корзину, Кузька кружился по улице, пытался боднуть кого-нибудь. Но он уже был не страшен.

Из-под крыльца выбрался Петька Мигачёв. Отряхнул с рубахи налипшую паутину, неловко переступил с ноги на ногу и презрительно хмыкнул:

— Подумаешь, корзину схватил! Так бы и я мог...

Но его никто не слушал.

Мальчишки поймали очумевшего барана и, сняв корзину, дали ему хлеба.

— А знаешь, — сказал Вовке его дружок Колька Силкин. — Ты это здорово с корзиной придумал. Мы теперь Кузьку в любой час обуздать можем.

Когда баран успокоился, мальчишки привязали к рогам верёвку и повели его в стадо.

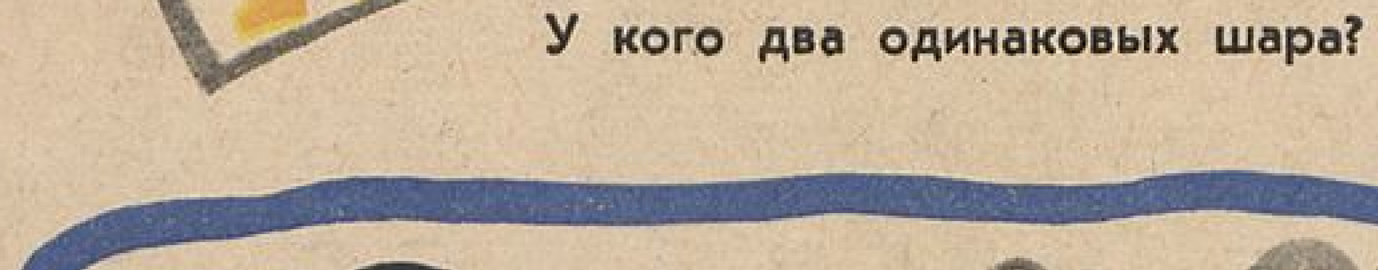
Рисунок на обложке В. ЛОСИНА

Редактор А. МИТЯЕВ
Редколлегия: З. Александрова, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова (зам. редактора), М. Коршунов, Ю. Коринец, С. Маршак, Ю. Нагибин, К. Орлова (ответственный секретарь), Е. Рачёв.
Худож. редактор Ю. Молоканов. Техн. редактор В. Лубкова.
Год издания сороковой. Цена 10 коп.
Подп. к печати 6/I 1964 г. Бумага 60×90 1/8. Печ. л. 3(3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 500 000 экз. Заказ 2258.
Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущёвская, 21.
Телефон: Д 0-45-08.

Рис. В. ПЕРЦОВА

Если вы правильно пройдёте по лабиринту, то составите из букв знакомое вам слово.

У кого два одинаковых шара?

На этой картинке всё перепутано. Помоги скрипачу найти скрипку, повару — сковородку, помоги и остальным.

Индекс 70550